

Д. А. Чугунов

**ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ
НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПРОБЛЕМЫ И МОМЕНТЫ ВОСПРИЯТИЯ**

Интеркультурная герменевтика, одно из направлений в структуре сравнительного литературоведения, имеет главной целью, как известно, изучение следов чужой культуры в национальной литературе. Делается это не столько для того, чтобы доказать факты некоего решающего влияния "со стороны", сколько ради уяснения глубинных особенностей собственного литературного развития. Вместе с тем обращение к арсеналу интеркультурной герменевтики открывает нам, помимо прочих выгод, возможность культурологического слежка определенной эпохи. Анализ произведений с этой точки зрения давно обрел популярность в научной среде, так как несомненна его значимость в реконструкции окололитературного фона той или иной эпохи, в понимании путей развития человеческого общества, зеркалом которого и является любая национальная литература.

Это положение применительно и к немецкой литературе наших дней. Разумеется, утверждать, что в конце XX века состоялись какие-либо грандиозные открытия в "образе чужого", не приходится¹. Очень многое в восприятии друг друга традиционно исходит еще из позапрошлого столетия, интересного и насыщенного событиями периода культурного знакомства двух стран. В это время окончательно сформировались те элементы русской культурной мозаики, которые находили отражение в немецком сознании. Перечисление их всех здесь не имеет практического смысла², мы остановимся лишь на интересующих нас *литературных аспектах*.

В начале XIX в. немецкая литература представляла уже сложившуюся культурную традицию и не нуждалась, по большому счету, в привлечении чужого опыта; а то, что даже и воспринималось извне, не оказывало на нее заметного влияния. Однако вместе с завершением того периода в развитии немецкой словесности, который Г. Гейне назвал "художественным" (*Kunstperiode*), изменилось и международное ее значение. Кризис немецкого романтизма и сопутствующий ему кризис немецкой идеалистической философии обусловили поворот литературы к насущным проблемам современности, вызвали к жизни потребность в

усвоении новых эстетических веяний, и ко второй половине XIX в. сформировались условия для восприятия инонациональных достижений в немецкой литературной среде.

Прежде всего, это было *открытие собственно русской литературы как некоей данности*. Например, в год смерти Пушкина в Германии была напечатана книга Г. Кёнига под названием "Картины русской литературы" (König H. Literarische Bilder aus Rußland. Stuttgart; Thübingen, 1837). Книга вызвала большой интерес. Фарнгаген фон Энзе писал по поводу ее появления: "Здесь в первый раз представилось нашим взорам богатство новейшей русской литературы... Количество и разнообразие ее поразили нас. Пробудился шум, пробудилось общее участие"³. Ф. фон Энзе, берлинский литератор, дипломат и военный, "был одним из первых немецких литераторов⁴, кто знал русскую литературу не с чужих слов, не по переводам, пересказам и переложениям, а непосредственно из первоисточника"⁵. В последующем, благодаря деятельности В. Вольфзона⁶, Ф. Боденштедта⁷, А. фон Видерта, Л. Пича и других популяризаторов, немецкое общество смогло открыть для себя наиболее значительные достижения русской изящной словесности.

Вторым значительным элементом русской культурной мозаики стоит назвать *личное знакомство немцев с русскими писателями и поэтами*, волею судьбы оказывавшимися в Германии. Именно XIX век дал миру фигуру человека, ставшего влиятельным посредником между двумя культурами. И. С. Тургенев, а речь идет именно о нем, поддерживал отношения со многими деятелями немецкой культуры — писателями, критиками, публицистами, музыкантами, а также был вхож в круг высшего дворянского общества. При этом немалую роль играло известное „западничество“ Тургенева, его отрицание национальной замкнутости, его открытость миру и умение с помощью своих произведений общаться с разной читательской аудиторией. Тургенев оказался для немцев не просто наиболее известным, но наиболее *близким* по духу, что в последующем облегчило понимание произведений и других русских писателей.

Третий элемент знакомства представляет *восприятие немцами литературно-эстетических достижений*, явленных миру Россией. По мере роста международного авторитета России рос интерес и к ее культуре. Кроме того, ускорившиеся во второй половине XIX в. экономическое и политическое сближение России и Германии усилили интерес немцев к России в целом. В 80-е гг. выходят первые научные исследования и диссертации о творче-

стве русских писателей, в частности, о произведениях Ф. М. Достоевского. В целом можно констатировать, что в конце XIX в. русская литература получает окончательное признание в немецкой среде⁸.

Характерный пример являет здесь творчество Теодора Фонтане, который вспоминал в автобиографическом повествовании "От двадцати до тридцати": "Русскую литературу... я теперь не отпускал от себя, и вслед за старым Державиным, за Карамзиным и Жуковским, передо мною прошли Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Часть того, что мне предлагал Вольфзон, осела во мне, в особенности из принадлежащего трем последним..."⁹. А в последующем, благодаря знакомству с творчеством Тургенева, Т. Фонтане смог познакомиться с особой жанровой формой русского романа, которую вслед за В. А. Недзвецким мы определим как "социально-философский" или "социально-универсальный" роман. Особенностью этой формы было, как пишет исследователь, "осмысление проблем современности сквозь призму "вековечных"... онтологических потребностей и коллизий человека и человечества"¹⁰.

"Уроки" русской литературы актуальны для немцев и по сей день. Так, например, в романе Томаса Бруссига "Герои как мы" чувствуется знакомство автора с идеями, заключенными в произведениях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Размышляя над своей несправедливой жизнью до ноября 1989 г., Клаус Ульшигт думает: "Я познал свое наказание и начал искать связь между виной и ответственностью. Это может звучать излишне назидательно, но — честное слово, говорю вам! — я попал в библейские обстоятельства"¹¹. Прозрение же Клауса Ульшигта в клинике (9 книга романа) чем-то напоминает прозрение Андрея Болконского. Клаус мечтал о великих свершениях, но что реально полезного он сделал? Была ли его жизненная ориентация правильной? Кто он? "И вот я стою здесь — Маленький Барабанщик Хонеккера"¹². Не более чем легендарный барабанщик, не более чем винтик в системе, не более чем случайный гость в мире... И все же, как и Болконский, Клаус может превозмочь себя, может ощутить пробуждение своей Личности и попытаться поставить ее на служение другим.

Четвертое, на что нам хотелось бы обратить внимание, — это отражение в национальной (немецкой) литературе "характерных" фактов из русской жизни, фиксация типичных воззрений и образов времени. Любопытно, что образы русского "варварства", "преображаемой России", тяготеющей к европоцентризму, укрепи-

лись в немецкой среде еще в XVIII в. Огромную роль сыграли здесь небезызвестная "памфлетная война" русской и шведской пропаганды во время Северной войны, а также ассоциации, связанные с деятельностью Петра Великого¹³. Не касаясь многочисленных исторических и публицистических работ, заметим, что и в художественной сфере открывается много интересного. Здесь можно упомянуть и восприятие восточного соседа как государства *необъятных просторов* (ср. у Г. Гейне: "Французам и русским досталась земля, британец владеет морем"¹⁴), и упоминания о русских, отправлявшихся в Германию учиться наукам и ремеслам (см. у В. Ауэрбаха: *русский князь*, один из многих, приезжает на берега Рейна, чтобы изучить грамотное ведение сельского хозяйства и затем вернуться в Россию членом "свободного, прекрасного дела"¹⁵). Похожее нередко встречается и в современной литературе, например: "Россия, думал Флориан Мюллер-Фрич, Россия. Картины закружились быстрее: необъятные просторы, плывущие облака, далекий горизонт, деревья и луга, солнце и вода..."¹⁶.

Завершая это краткое обозрение, сошлемся на выступление К. Азадовского, сделанное им на научном семинаре "Белые ночи в Санкт-Петербурге. Немецкое и русское восприятие литературы" (5–7.07.1999). По мнению ученого, образ России в немецком сознании всегда обладал исключительной подвижностью, при которой периоды русофильства (например, конец XIX в.) и русофобства (середина XIX в.) часто сменяли друг друга¹⁷. Причиной этого чередования, как нам видится, становилось доминирование определенного элемента в той мозаике восприятия, о которой мы писали выше. Доминирование мысли о "восточном деспотизме" России рождало ее неприятие (Г. Гейне, К. Маркс и др.), открытие духовных глубин русской национальной жизни, напротив, вовлекало в постижение загадочной русской души (Р. М. Рильке, С. Цвейг, Т. Манн и др.)¹⁸.

Размышляя о современном образе России, стоит сказать, что в настоящем происходит освобождение от идеологических штампов; мифы, стереотипы, клише восприятия уступают место продуманному анализу истории и национального своеобразия двух стран. Прослеживается это и в произведениях новейшей немецкой литературы.

В 1995 г. увидела свет книга Инго Шульце "33 мгновенья счастья. Записки немцев о приключениях в Питере". История ее возникновения весьма любопытна. Инго Шульце до того момента числил себя обыкновенным журналистом и в "северную сто-

лицу" приехал ради основания независимой газеты на немецком языке. Однако два года, проведенные в России, заставили его взяться за перо, исходя из других побуждений. Открывшееся ему в русской жизни было настолько поразительным для германского сознания, что совершенно не укладывалось в рамки обрывочных душевных излияний, отправляемых на родину в виде факсов. Требовалось свести воедино разнообразные, часто противоречивые впечатления, отделить видимость от сущности. Повлиял на него и опыт современной русской прозы: получившуюся книгу справедливо называют "сознательно игровой", навеянной чтением Д. Хармса, Д. Пригова, В. Сорокина, В. Ерофеева...¹⁹ Молодой немецкий автор продемонстрировал хорошее знакомство с установками постмодернизма, смешав в своем тексте авторское и заимствуемое, оригинальное и реминисцентное, серьезное и двусмысленное...

Какой предстает Россия в "33 мгновеньях счастья"? На первый взгляд, дебютирующий Инго Шульце не избежал соблазна представить западному читателю набор ярких картинок, призванных поразить воображение. И картинки эти как-то чрезвычайно близки к упоминавшимся ранее штампам восприятия — например, подробное и частое упоминание *русской воны*²⁰. Оттого зазвучали даже упреки автору — в русофобстве. Однако он не ограничился воспроизведением лубочных сюжетов из жизни. Поражающие воображение истории — например, о невероятно красивой проститутке, цитирующей Пушкина и Бродского, сравнивающей стиль Зощенко и Платонова, рассуждающей о Маргарите и Лолите²¹, — годились, собственно, лишь для недалеких людей. Подобный тип, заметим, тоже нашел отражение в книге — в образе немки Мони Хеберле, приехавшей в Россию за сексуальными приключениями: "Для Мони русские — это простые, здоровые парни, или анархисты, или самоубийцы, или художники — и тому подобная шваль"²². Заслугой немецкого писателя стало понимание того, что Россия — это, выражаясь образно, замечательная шкатулка с двойным дном. Это легко заметить по сознательно провокационному началу его рассказа "ИЗ РОССИИ можно только уехать..." (прочищаем начало полностью, невзирая на объем):

"ИЗ РОССИИ можно только уехать! Я всю неделю безуспешно пытаюсь понять, зачем я здесь, почему живу в этом городе, а не в Париже или в Италии. Люди словно недавно приехали из деревень и не умеют еще ходить по улицам — они толпятся во все стороны, рычат, толпятся, толкаются, плюются. Они не говорят "простите". Не замечают этого или кричат друг другу бранные слова. Их приходится толкать. Только вырвешься

из толчеи, они втолкнут тебя в автобус или пихнут прямо под колеса автомобиля. А если ты на минутку приткнешься к стене, как нищий, то все равно неизвестно, что делать дальше. И всюду, словно сам климат такой, эта неистребимая вонь — смесь кислого творога, многолетней грязи и сигаретного дыма. В аэропорту, в туристском автобусе, в гостинице, на улице — нигде от нее не спастись, она лишь меняет состав. Иногда к ней примешивается запах бензина, иногда чеснока, иногда уборной. Из подворотен несет пищевыми отходами, из подъездов — мочой. В продуктовых магазинах тяжелые запахи так сгущены, что кажется, будто они не выветрились со вчерашнего дня. И никогда нельзя точно сказать, то ли люди впитали в себя вонь из этого воздуха, то ли она исходит от них самих.

Кроме хлеба и чая, почти ничего нельзя есть. Любый кусок разбухает во рту, и все время чувствуешь себя губителем своего здоровья. Молоко кажется затхлым, шампанское — переслащенным, а пиво — кислым. На чем ни остановишь взгляд, все покорежено, изломано, покрыто заплатками, погнуто, обшарпано, перекошено, расшатано, грязно, словно все в разное время притащили с помойки и снова кое-как слепили. Привлекательно с виду только импортное.

Безумная расточительность царей — единственная культура, которая у них осталась, да и ту они проматывают, и ту загаживают. При этом рассуждают о Пушкине, о судьбе и о Волге. Железные крыши — как остовы проржавевших кораблей; кажется, что за дверьми и окнами прячутся от глаз существа, не владеющие никаким человеческим языком; звуки, доносящиеся оттуда, похожи скорее на рычание, визг и вой. Кажется, в русских вообще в результате их эксперимента длиною в жизнь выработался такой стандарт отношения к жизни, в котором апатия сочетается с удивительной изобретательностью в унижении других. Все устроено так, чтобы доставлять как можно больше неудобств — будь то отсутствие скамеек, на которые можно сесть, или слишком низко повешенные зеркала, или ремонт, растягивающийся на годы, или магазин, где за куском масла надо стоять в трех очередях. Туалеты, пригодные для использования, если вообще и существуют, то только в гостиницах. К кому ни обратиться — к дежурной по этажу, к официанту или гида — все вечно обижены, недовольны, недоброжелательны, грубы. Разговаривают, не глядя на тебя; если о чем-то спросишь, взглянут так, словно плюнуть хотят. Если женщина красива, то непременно продажна, если автомобиль новый, то непременно принадлежит бандиту. Никогда еще, ни в одной стране не чувствовал я себя таким неуверенным и беззащитным. Я знал: если здесь со мной что-нибудь случится, никто не поможет. Споткнусь — затопчут, заору — ограбят. Иностранцев здесь узнают с первого взгляда, словно у нас другой цвет кожи. Почти невозможно ни включиться в обыденную жизнь русских, ни остановиться, ни присмотреться — но ведь в этом весь смысл путешествий!

А погода была теплой и ясной. Но старухи все равно стояли на кусочках картона, будто пытались защититься²³.

Однако автор не ограничивается познанием *внешней стороны* русской действительности. Сюжет в этом рассказе развивается фантастически, местами рождая аллюзии даже на библейскую тематику (подавание самому Христу в образе нищего и воздаяние

благом за милосердие дающего), и подобная необычность целиком оправдана. В финале рассказчик признает, что его начальное отношение к русским, несколько пренебрежительное и ироничное, претерпело существенную трансформацию. Его мимолетное подавание базарной нищенке не осталось незамеченным и вызвало со стороны совершенно незнакомых ему людей, торговцев и покупателей, настоящий взрыв любви. Они, желая немедленно отблагодарить его за проявленное милосердие, буквально завалили немца подарками, выражениями признательности: "Я едва сдерживал слезы, пристыженный таким безмерным гостеприимством, ведь я знал, как мало у них самих оставалось на жизнь. Да, они даже поймали мне второе такси, потому что ни от одного подарка нельзя было отказаться. Конечно, я пообещал вернуться как можно скорее" (курсив наш. – Д. Ч.)²⁴. Этот эпизод на петербургском рынке – один из многих, открывающих современному европейцу настоящую Россию. Пытаться понять ее издалека, с заранее подготовленных "правильных", "европейских" позиций – верх нелепости, как понимает (и – принимает!) это герой другого рассказа – "Сколько раз мы смотрели...".

Шульце счастливо "перерос" бессмысленность постмодернизма, его игры ради игр. Один из рассказов сборника называется "Не бывало такого..."²⁵. Речь в нем идет о провинциальной русской девушке, покинувшей отца и уехавшей за своим счастьем. Автор фактически повторяет в нем сюжет пушкинского "Станционного смотрителя", но его повествование – отнюдь не плагиат. Русская литературная классика здесь – именно то, что позволит современному иностранцу лучше осознать сохраняющуюся загадочность России. Несмотря на все потрясения горбачевской перестройки и последующих лет, на увлечение меркантилизмом жизни и видимый упадок духовности, осталась в русских людях такая же способность к переживанию, к взлетам после падений, о которой писали в XIX веке. Жизнь всего лишь поменяла одежды, но сохранила прежнее особенное, непривычное Западу содержание. И если немецкий журналист пытается разгадать ту самую загадку русского характера, над которой бился еще Пушкин, если он заинтриговывается одной из тех же самых коллизий, то не лучшее ли это свидетельство вечности самой загадки?! И классический сюжет – не лучшее ли средство для иллюстрации этой мысли? Классическая составляющая играет роль камертона, дающего настрой ко всему чтению. Отметим, что по тексту вообще рассыпано множество аллюзий на литературу прошлого – "остроумных парафразов русской словеснос-

ти"²⁶. И думается, что не случайно вся книга завершается характерным сюжетом – воскрешающим в памяти рассказы о древнерусских юродивых (“Казалось, это дело времени...”). Инго Шульце смог испытать и донести до читателя ощущение настоящей русской глубины и человечности.

Немецкая литература последнего десятилетия XX в. продемонстрировала, что новая Россия уже практически не ассоциируется в сознании людей с бывшим Советским Союзом, а стереотип тоталитаризма, исходящего с востока, практически разрушился. Свидетельством этого стал, например, феерический роман Томаса Бруссига “Герои как мы” (“Helden wie wir”, 1995).

Это произведение может шокировать неподготовленного читателя. Когда-то Франсуа Рабле в “Гаргантюа и Пантагрюэле” похожим образом обрушил на головы сограждан свой богатырский смех, показал им буйство плоти, попирающей унылые законы ханжества и лицемерия. Бруссиг вслед за Рабле смехом очищает человеческое сознание от мрачных догм поведения в социалистическом обществе.

“Как по-монашески шла наша жизнь!”, – восклицает однажды его главный персонаж (Клаус Ульшшт), воспитывавшийся в *нормальной социалистической семье XX века*. Самосознание Клауса подавляется родителями так же, как вообще человек подавляется государством, герой, как и человек вообще, не-свободен, скован идеологией социалистического общества. Свобода же плоти, свобода описаний и обозначений телесного низа в книге Бруссига имеет под собою ярко выраженную *анти-идеологическую* основу. На это указывают определенные кодовые фразы, присутствующие в тексте. Вот в кабинете литературы Клаус читает на стенде знаменитое высказывание Максима Горького: “Человек – это звучит гордо (*Ein Mensch – wie stolz das klingt!*)” И он готов согласиться с классиком, однако в подростковом возрасте его мучат проблемы другого рода, на которые в ханжески устроенном мире не принято обращать внимание: “Но я, вместо гордости за человека, тайно мучился приступами эрекции. Я бы чувствовал себя много лучше, если бы однажды оказался перед памятником, на котором *гордый человек* имел бы стояк в штанах, который постоянно возникал у меня самого. Maximgoriki mit Maxigurki²⁷”. “Огурец в штанах” ведь не имеет никакого отношения к проблемам государственного масштаба. Это – личное. А между тем в обществе Клауса Ульшшта не принято заниматься *проблемами личности, проблемами одного человека*. Поэтому

му иной раз человеку ничего не остается более, как незаметно уйти целиком в свой личный мир²⁸.

Оценивая позицию автора, мы смело можем утверждать, что он смеется над социалистической системой, но не над русским писателем, против собственной воли на долгие годы превращенным в символ этой системы.

Это убеждение — Россия не есть вечный символ коммунизма — характеризует и Гюнтера Грасса. Писатель в своей нобелевской книге "Мое столетие" (1999) преодолевает распространенную в XX в. синонимию слов "русский" ("советский") и "большевик". Да, например, директива уничтожения христианских храмов открыто исходила от восточного соседа, и в главе "1990 год" содержится многозначительное упоминание спасенных аптекарем скульптур из церкви святого Марка в Лейпциге, которая, "как и остальные лейпцигские церкви, была разрушена коммунистическими варварами"²⁹. Но вместе с тем Грасс демонстрирует убеждение, что было бы непрослительным заблуждением в самом конце века писать о "русских варварах", ибо Россия стала другой.

Изменилось даже отношение к Сибири, долгое время бывшей символом подавления личности. Сибирь из некоего легендарного, страшного места на карте Российской империи и Советского союза незаметно превратилась для немцев в обыкновенный географический регион, правда, изрядно удаленный от европейских центров культуры. Однако и там можно жить. Одна из юных героинь современной немецкой писательницы Тани Дюккерс однажды замечает: «Моя мать говорит: кто не умеет начать с себя и часто скучает, тот как раз и есть скучный человек. Даже в самом диком окружении, "например, в сибирской тюрьме", это ее парадный пример, можно добиться чего-то большего, если ты — "творческий и интересный человек"»³⁰. Выражение "сибирская тюрьма" уже явно не имеет в себе серьезной (отрицательной) оценочной составляющей, превратившись, по сути, в рядовой словесный штамп.

В 1995 г. к русской теме обратился еще один современный немецкий писатель — Михаэль Кумпфмюллер. Он опубликовал любопытное историографическое исследование, посвященное событию более чем полувековой давности — битве под Сталинградом³¹. Ценность этой работы состояла в том, что автор описал капитуляцию 6-й немецкой армии подчеркнуто объективно, опираясь на многочисленные документы, вместе с тем показав и динамику развития мифа об этом эпизоде Второй мировой

войны, создававшегося средствами массовой информации как в Третьем Рейхе, так и в ФРГ и в ГДР.

Заметную роль играет русская тема в его же большом романе "Бегство Хампеля" (2000). Выход в свет этого произведения вызвал массу споров в литературной критике. Подчас и признанные литературные критики не могут оценить или вовремя заметить молодых звезд, не могут признать новые таланты, возникшие как-то вдруг³². Так, "Литературный квартет" во главе с М. Райх-Раницким не заметил, каким великолепным образом слиты изображение объективной истории страны и субъективная перспектива ее восприятия. Ирис Радиш ("Цайт") вообще озадачила читающую публику утверждением, что писать о восточногерманском прошлом может и должен лишь тот, кто сам там родился и жил...

Между тем Кумпфмюллер представил читателю возможность взглянуть на интереснейшего субъекта. Хайнрих Хампель родился 25 августа 1931 года, умер 25 сентября 1988 года, за свою жизнь побывал в пространствах Третьего Рейха, советской оккупационной зоны, Советского Союза, Южной Африки, ФРГ, окончательно осев в 1962 г. в ГДР. "Наprel, что за смешная фамилия; впрочем, персонаж совсем не смешной, скорее печальный, достойный жалости пикаро"³³. Своеобразие этого произведения в том, что оно повествует о действительно эпических моментах в немецкой истории, которые уже ушли в прошлое, но, тем не менее, легко обозримы и вряд ли когда забудутся. Как заметил В. Кирхмайер: "Интерпретация истории молодыми авторами... — самое интересное в современной немецкой прозе"³⁴.

Какою же предстает в романе Кумпфмюллера одна шестая часть суши? Опять-таки — странной, непонятной, но в то же время и открывающей внимательному наблюдателю свои добрые стороны...

"Русские страницы", если их так обозначить, помещены автором ближе к финалу повествования. В 10 главе рассказывается о пребывании семьи Хампелей в России, куда их в одночасье вывезли по распоряжению советской военной администрации. Они должны были помогать в восстановлении стекольного производства в г. Клин. Для 15-летнего Хайнриха эта поездка стала "путешествием жизни", все, что видел он уже из окна поезда по дороге в Москву, вызывало его интерес³⁵.

Читатель узнает о трудностях вживания немцев в русскую жизнь в деревне Лыткарино, о существовании двух семей немецких специалистов в двух комнатах (по 4 м² на человека), о том,

как старшее поколение отказалось учить русский язык, но дети с успехом его освоили... Но не это главное. В России Хайнрих Хампель пережил единственную в жизни любовь.

Еще романтики выплеснули на страницы своих произведений мечту о единении двух сердец, двух людей во враждебном человеку мире. Не та же мечта гложет неотступно жителей XX столетия, одиноких духовно?

Вхождение Люси в жизнь героя описано автором очень тонко и поэтично, в каждой строке звучит поистине настроение надежды на будущее. Ради своей любви Хампель рассорился с матерью и в день совершеннолетия ушел из дому к возлюбленной. Вероятно, именно этот эпизод можно назвать первым бегством Хампеля. Так, пожалуй, проясняется тема всего романа – “человек бегущий”, но страждущий своего счастья. Хайнриху именно в России выпала его маленькая доля. Кумпфмоллер отливает свою мысль в лаконичную и емкую формулу: “Три года провёл он в России, и Люся стала для него началом начал, они жили словно бы на краю времен и не уставали друг от друга”³⁶.

Спор о Люсе становится по-настоящему спором о человеке. Хайнрих разговаривает с отцом и старшим братом, и в их диалоге рядом становятся две значительные фразы:

- Твоя Люся не принадлежит семье.
- Она принадлежит моей жизни³⁷.

О русской девушке Хайнрих Хампель будет помнить всю жизнь. Расставание с нею оказалось, как мы понимаем по прочтении романа, символичным. XX век не располагал, как правило, к искренним и долгим привязанностям. Люся – тот единственный случай, когда Хайнрих может сказать, что был искренним в общении, когда он не играл навязанной ему роли. Под именем семьи нам часто открывается простое сосуществование двух людей, вызванное какими-то случайными причинами. Когда же герой хотел связать свою жизнь с Люсей (вплоть до принятия советского гражданства), он не имел никакого расчета, веря лишь в свое чувство. В последующем в его судьбе будут и взлеты, и падения, но уже здесь можно утверждать, что расставание с русской девушкой духовно надломило Хайнриха, что суровый век надломил в человеке человечность. Думается, Кумпфмоллер продолжил здесь давнюю традицию немецкого взгляда на Россию как на страну, противопоставившую свой духовный путь развития западному прагматизму. Ведь в последующем Хампель всегда строил свое общение с женщинами исключительно на

плотских основаниях, что является характерным выражением межличностных связей в XX столетии.

Сделаем здесь небольшое отступление. В сборнике тонких и лиричных рассказов Юдит Херманн "Дом на лето, позднее", ставшем настоящим литературным открытием 1998 г., есть замечательный сюжет о немецком инженере, который оставил свою жену в Санкт-Петербурге и отправился строить доменные печи где-то на *необъятных* (!) российских просторах. Поглощенный деловыми заботами прадедушка рассказчицы постоянно пребывает где-то вдалеке, лейтмотивом проходят через текст такие фразы: "Он отсутствовал очень долго", "мой прадед ехал по стране..." Прадедушка героини живет в "тайге", в "дикой глуши", в "степи", а в конце всей истории его взгляд простирается до самого Владивостока, куда он собирается ехать по делам... Прабабушка рассказчицы просто ждет своего мужа, прячась в замкнутом пространстве. Она не желает даже смотреть из окна своей квартиры на Васильевском острове ни на Неву, ни на Кронштадтскую бухту, ни на прекрасные дома Малого проспекта... Огромные пространства Российской империи пугают благообразную немку. "Она задернула тяжелые красные портьеры из бархата и закрыла двери, ковры поглощали любой звук, моя прабабка садилась на софу, в кресло, на кушетку, и покачивалась взад и вперед, и тосковала по Германии"³⁸. Но не только это представляет для нас интерес в ее образе! Именно Россия дает героине ту *любовь*, которую не смог подарить ей прагматичный муж-немец. Человек по имени Николай Сергеевич окажется отцом ее ребенка...

Когда семейство Хампелей вернулось на родину из СССР, многое оказалось для них совершенно незнакомым, хотя они не питали иллюзий относительно тех принципов, на которых строилась жизнь в Восточной Германии. "Мы попали из огня да в полымя, сказала мать, и отец сказал: Давай сначала поработаем и тогда посмотрим..."³⁹ Уже спустя месяц у Хампелей, работавших на стекольном заводе, начались сложности (в феврале 1951 года). Хайнрих Хампель был вызван к партсекретарю народного предприятия "Schott und Gen" и обвинен в ведении подрывных разговоров во время обеденных перерывов. По мнению руководства, Хампель рассказывал о Советском Союзе такое, что мог придумать только классовый враг. Возражения героя были наивны: "Лишь когда меня спрашивали, я рассказывал, ничего не прибавляя и не убавляя: я называю это правдой"⁴⁰. Однако дело состояло в том, что эта *правда о Советском Союзе* была

очень неудобной. "Хорошенькая правда, которая восстанавливает мне людей против Советского Союза, сказал партийный секретарь"⁴¹. Правда заключалась в том, что люди в стране Сталина голодают, живут в мире фальшивой идеологии, и вообще: "что это за коммунизм, когда одни катаются как сыр в масле, а другие тридцать лет не могут насытиться и проживают свою жизнь как рабы"⁴². Не страной Советов называет героиня Советский Союз, но "страной Сталина", и это весьма характерно воспроизводит особую духовную атмосферу того времени. Например, одна из любовниц Хампеля Дора приходилась дочерью второму секретарю крайкома СЕПГ. Дора "в целом мире никого не любила так сильно, как мудрого вождя и спасителя советского народа, Иосифа Виссарионовича Сталина. Даже дневник свой она посвятила Сталину"⁴³. Она живо интересовалась первомайскими праздниками в СССР и военными парадами на Красной площади в дни Октябрьской революции, она маршировала вместе с товарищами из Союза немецкой молодежи, и скандировала речевки, и пела революционные песни.

Михаэль Кумпфмюллер не совершает ничего особенного, когда пишет о том, что Советский Союз был в XX в. государством, определявшим ход всей европейской истории. Ценно другое — объективный взгляд писателя. Сталин — не единственный символический персонаж, присутствующий в тексте. Символична дата смерти Хампеля — 1988 год. Уже немного осталось до обновления всей немецкой действительности, да, собственно, в тексте есть упоминание и о молодом, энергичном руководителе Советского Союза, который вершит небывалые дела. Но Хампель не застанет новую жизнь, не войдет в нее. Он может лишь обернуться, попытавшись оценить *прошлое, прошлую* эпоху. Оценивать настоящее — дело читателей...

В целом же можно сказать, что в XX в., и особенно — в его конце — не образ восточного соседа сам по себе интересует немецких авторов, а *идеи*, от России исходящие и с нею связанные. Идеи же, безусловно, не имеют национальности, поэтому оценки наблюдаемого все более тяготеют к объективности. Покажем это на нескольких примерах.

Например, Гюнтер де Бруйн тоже писал в своей автобиографической книге "Промежуточный итог" (1992) о гигантском, освещенном по ночам прожекторами портрете Сталина над замком в Сан-Суси, о длительной "дрессировке людей" (точнее — о "Dressurversuche am Menschen"), происходившей в советской оккупационной зоне в 1945 г. Но на этом основании было бы

ошибочным делать вывод, что в сознании писателя существует негативный образ России. Де Бруйн пишет не столько о Сталине, сколько о распространенном в прошлом веке явлении тоталитаризма, ведь "дрессировка людей" началась, по его объективному замечанию, еще при нацизме. И то, что исходило от Советского Союза, падало на благодатную почву в самой ГДР.

Похожие по духу страницы находятся и в автобиографической книге К. Вольф "Здесь в другом месте" (1998)⁴⁴. Рассказчица, захваченная потоком воспоминаний, оказывается, помимо прочего, и в Москве, и происходит это в знаменательные дни осени 1989 г. Однако в ее сознании не разделимы немцы и ее знакомые русские: все вместе испытывают чувство пробуждения к новой жизни. Да и вообще, как замечает один из героев "Игровой зоны" Тани Дюккерс: "Я не думаю, что черт всенепременно должен быть русским..."⁴⁵.

В завершении статьи стоит упомянуть о совершенно особом представлении чужой (ранее своей) страны в национальной литературе, которое не часто⁴⁶ встречается в истории интеркультурной герменевтики. Речь здесь пойдет о произведениях Владимира Каминера, родившегося в 1967 г. в Москве и летом 1990 г. эмигрировавшего в Германию. С того момента он живет в Берлине, довольно прочно устроившись в новой жизни. Ранее практически не знавший языка, Каминер за короткий срок овладел настоящим немецким до такой степени, что теперь ведет передачи на канале ZDF и на SFB4 Radio MultiKulti. По замечанию Е. Власовой, "сегодня Каминер — почти культовая фигура. Он входит в десятку популярнейших писателей Германии. На его чтения трудно попасть. О нем пишут весьма уважаемые немецкие газеты и журналы (вплоть до "Шпигеля"), его приглашают во все ведущие телепередачи, включая самое популярное в Германии ток-шоу Харальда Шмидта (это как Ларри Кинг в США). В общем, на сегодняшний день Владимир Каминер — самый известный русский в Германии"⁴⁷. Увидели свет несколько его книг, среди которых выделим не просто автобиографическую, но и сознательно ориентированную на западного читателя "Военную музыку" ("Militärmusik").

Однако нельзя не признать, что пример его популярности — это пример расчетливого маркетинга в области литературы. Например, "военная музыка" в советской жизни звучала далеко не так часто и назойливо, как представляет автор своему несведущему западному читателю. Оценивая авторскую позицию Каминера, можно определить, что он избрал своей стратегией откры-

тие немцам (и сознательное преувеличение) в первую очередь *русской экзотики*. Это хорошо заметно по его собственным, иной раз весьма провокационным, высказываниям, сделанным в уже цитировавшемся выше интервью писателя с Е. Власовой: "Если сравнивать Германию с Россией, то здесь культурный уровень простого населения выше. Если взять двух аналогичных рабочих со стройки – немецкого и русского, то немецкий будет культурнее. Интеллектуальнее. И книжек в Германии читают больше. Все-таки весь этот культурный багаж эпохи просвещения – его так просто не выбросишь"; или: "в Германии все от воспитания, а в России многое идет "из леса". Это, кстати, хорошо по писателям видно и особенно по поэтам. Немецкий поэт – он весь из себя такой интеллектуал, а русский – у него стихи из живота прут"; или: "если на востоке Германии отношение к русской культуре двойственное, ведь в бывшей ГДР она была частью их жизни, то на западе к ней относятся как к экзотике: за последние 15 лет в России столько всего интересного произошло – для немцев это настоящее приключение"⁴⁸.

Сам Каминер старательно пытается соответствовать этому несколько искусственному образу *русского*, поэтому столь необычны регулярно проводимые им в Берлине русские дискотеки – "Russendisko", давшие впоследствии название первой из его книг, выпущенных в Германии. И здесь можно задуматься над тем, насколько естественно формируется в настоящее время образ России в немецком сознании и немецкой литературе. Дело в том, что преподнесение Каминером русской жизни как *экзотики* – это абсолютно и изначально коммерческий проект, ибо писатель, не усвоивший законы рынка, в том числе и книжного, обречен на голодную смерть.

Последним по времени примером, доказывающим стойкость немецкого интереса к России, стала книга путевых заметок Берлин–Москва", написанная Вольфгангом Бюшером⁴⁹. За 82 дня журналист еженедельника "Ди Вельт" прошел пешком (!) более 2500 километров от одной столицы до другой, начав свое путешествие в разгар лета 2001 г. и завершив его уже дождливой осенью.

"Шпигель" отнес книгу лауреата престижной премии имени Теодора Вольфа к "лучшему, что появлялось на немецком языке за последние годы" (Der Spiegel. 2003. № 18). После падения Берлинской стены в Германии по-прежнему чрезвычайно мало известно о *новой России*, как, впрочем, и о новых Белоруссии, Польше... Между тем на востоке есть на что взглянуть.

Вольфганг Бюшер вместе с контрабандистами пересекает белорусскую границу, знакомится с йогом из Сибири, в сопровождении отчаянного русского забирается в зону вокруг Чернобыля... Его маршрут повторяет в целом тот путь, по которому шли орды Наполеона и гитлеровские войска группы "Центр"⁵⁰... Так в очередной раз личное в восприятии России смыкается с историческим.

И вновь Россия открывается постепенно, лишь внимательному наблюдателю демонстрируя свое настоящее лицо. Подобно тому, как это было и в книге И. Шульце, В. Бюшер однажды, в самом начале повествования, демонстрирует свою растерянность перед увиденным. В первом же белорусском "„отеле" едва ли не машина времени переносит его в прошлое: таким анахронизмом выглядит сохранившийся здесь "„комфорт" брежневских времен. А восточный колосс предстает перед ним едва ли не чудовищной свалкой: „Домашний хлам. Государственный хлам. Пищевой и питьевой хлам. Автомобильный металлолом. Атомные отходы. Загрязненные реки в городах... Развалины церквей. Разруха в душах... <...> Что же вы сделали из своей страны?" – восклицает путешественник⁵¹. В последующем взгляд путешественника учится проникать в суть вещей и событий.

К числу недостатков книги отнесем то, что репортер в путешествии возобладал над писателем. Встречи Бюшера с русскими людьми напоминают скорее эскизные наброски, нежели действительно цельные истории, во всем ощущается некоторая самоизоляция автора от наблюдаемого. Читатели в Германии, к слову, отметили эту особенность повествования. В одной из рецензий на книгу чувствуется разочарование по поводу того, что Бюшер слишком мало рассказал о своем "внутреннем путешествии"⁵² по России.

Однако думается, что описание такого путешествия представит перед нами в самом близком будущем.

¹ Конечно же, смотри здесь еще книгу: Herberstein. Rerum Moscovitarum: Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein. Neyperg; Guttenhag ... Basileae, ex officina Oporiniana, 1571.

² См., например, следующие издания: *Beyrau D.* Rußland und der Westen // *Reformen im Russland des 19 und 20 Jahrhunderts. Westliche Modelle und russische Erfahrungen*, hrsg. v. Dietrich Beyrau, Igor' Ninurov u. Michael Stolleis. FfM.: Vittorio Klostermann (= Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte, Bd 86). S. 1–23; *Franz N.* Rußland und Europa. Zur Geschichte einer schwierigen Selbstfindung // *Aktuelle Ostinformationen* 30 (1998). Heft 3/4. S. 38–49; *Groys B.* Rußland auf der Suche nach seiner Identität // *Groys B.* Die Erfindung Rußlands. München, 1995. S. 19–36; *Hexelschneider E., Remer C., Wegner M.* Russland und Europa. Historische und

kulturelle Aspekte eines Jahrhundertproblems. Leipzig, 1995; Keller M. Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. v. Mechthild Keller. München, 2000; Lemberg H. "Der Russe ist genügsam". Zur deutschen Wahrnehmung Rußlands vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg // Das Bild vom "Anderen". Politische Wahrnehmung im 19 und 20 Jahrhundert. Hrsg. v. Birgit Aschmann und Michael Salewski. Stuttgart, 2000. S. 121–131.

³ *Varngagen von Ense*. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Bd 5. Leipzig, 1840. S. 272.

⁴ См. его статьи: Werke von Alexander Puschkin // Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Berlin, 1838. № 61 (Oktober); Neueste russische Literatur // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland. Bd 1. Berlin, 1841 usw.

⁵ *Ботникова А. Б.* Фарнгаген и русская литература // *Вопр. лит. и фольк.:* Сб. ст. Воронеж, 1972. С. 97.

⁶ В 1843 г. на немецком языке вышел сборник "Поэтические творения русских", составителем и комментатором которого был Вильгельм Вольфзон. В книгу вошли стихотворения Державина, Жуковского, Пушкина; "Слово о полку Игореве" с комментариями к нему и предисловием; отрывок из прозы В. Панаева. Издание предварял очерк развития русской литературы с древнейших времен до 40-х гг. XIX в. В 1848–1851 гг. в Лейпциге вышли в свет 3 тома прозы (в переводе и с предисловием В. Вольфзона) под названием "Русские новеллисты" ("Rußlands Novellendichter"), с вниманием встреченные немецкой прессой. В них вошли рассказы Е. А. Ган, "Капитанская дочка" А. С. Пушкина, новеллы Н. Ф. Павлова и роман А. И. Герцена "Кто виноват?".

⁷ В его переводах некоторые произведения русской литературы появились раньше, чем их оригиналы на родине.

⁸ *Тиле Г. А.* Литературный метод как отражение философского мировоззрения. И. С. Тургенев и немецкая мысль // *Литература в контексте культуры: Проблемы истории зарубежных литератур.* СПб., 1998. Вып. 5. С. 555.

⁹ *Fontane Th.* Von zwanzig bis dreissig: Autobiographisches. Köln, 1997. S. 97–98.

¹⁰ *Недзвецкий В. А.* Русский роман XIX века: К построению истории жанра // *Изв. АН РФ. Сер. лит. и языка.* 1995. Т. 54, № 1. С. 3.

¹¹ *Brussig T.* Helden wie wir. Frankfurt am Main, 2002. S. 293.

¹² *Ibid.* S. 313.

¹³ См.: *Ермасов Е. В.* Петр I и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII в.: Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2000.

¹⁴ *Гейне Г.* Германия // *Гейне Г.* Избранные произведения. М., 1950. С. 603.

¹⁵ *Ауэрбах Б.* Дача на Рейне // *Ауэрбах Б.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1900. Т. 3. С. 950.

¹⁶ *Шульце И.* Выл солнечный апрельский день... // *Шульце И.* 33 мгновения счастья: Записки немцев о приключениях в Питере. СПб., 2000. С. 155.

¹⁷ См.: *Качковская И. Н.* Белые ночи в Санкт-Петербурге. Немецкое и русское восприятие литературы // См. URL: <http://www.nlr.ru:8101/news/mbinfo/mb72.htm/>.

¹⁸ По замечанию известного литературоведа Ю. Архипова, "нет ни одного сколько-нибудь значительного немецкого писателя XX века от Томаса Манна и Германа Гессе до Мартина Вальзера и Зигфрида Ленца, для которых не являлись бы величайшими авторитетами и учителями в литературе Толстой, Чехов, Достоевский, Гоголь, Тургенев, а для весьма многих и Пушкин, Лермонтов, Лесков, Горький, Бунин, Булгаков, Набоков, Платонов. Трудно найти в минувшем веке значительного немецкого поэта, который не попробовал бы свои силы в переводе с русского". См.: Веселое имя Пушкина – новому институту! // Литературная газета. 2003. 20 января.

¹⁹ См., например: Михайлович А. Счастье писателя обретается в Петербурге, но доходит до него не сразу // Коммерсантъ (С.-Петербург). 2000. 1 декабря: См. также: URL: <http://www.soros.ksu.ru/news/news242.htm>.

²⁰ Уже в предисловии: герой едет поездом в Россию и – "ночью было так же душно, как и днем, на рубашках проводников не просыхали пятна пота, запотевшие, грязные окна открыть было нельзя – по-видимому, где-то существовал кондиционер, – и постоянно воняло – если не дезинфекцией, то уборной и куревом". См.: Шульце И. 33 мгновения счастья: Записки немцев о приключениях в Питере. СПб., 2000. С. 7.

²¹ См. рассказ "Таких женщин, как Мария..." // Шульце И. Указ. соч. С. 11.

²² Шульце И. К тому же... // Шульце И. Указ. соч. С. 231.

²³ Шульце И. Из России... // Шульце И. Указ. соч. С. 30–31.

²⁴ Там же. С. 36.

²⁵ Шульце И. Не бывало такого... // Шульце И. Указ. соч. С. 140–145.

²⁶ Михайлович А. Указ. соч.

²⁷ Игра слов: "Максим Горький с большим огурцом (в штанах)".

²⁸ "И я стал интересоваться сексом", – заключает в итоге малолетний герой. См.: Brussig T. Helden wie wir. Frankfurt am Main, 2002. S. 80.

²⁹ Грасс Г. Мое столетие. М.; Харьков, 2001. С. 278.

³⁰ Dickers T. Spielzone [1999]. Berlin, 2002. S. 25.

³¹ Kumpf Müller M. Die Schlacht von Stalingrad. Metamorphosen eines deutschen Mythos. München, 1995.

³² Arend I. Bitte nicht so verschachtelt! // Freitag. 2000. № 35; См. также: URL: <http://www.freitag.de/2000/35/00351402.htm>. ("Doch trotz der neuen Normalität und Lebendigkeit fehlte der Runde der analytische Stachel. Und darin ist es dann doch symptomatisch. Drei versierte Phänomenologen lieferten eine ordentliche Interpretationsleistung. Historische Tiefe war nur zu spüren, als Radisch Jean Echenoz selbstreferentielle Anstrengungen in die Tradition des Nouveau Roman einordnete und das Stichwort "romantische Ironie" fiel. Doch an die Löffler-Kombination von kulturwissenschaftlichem, literarischem und zeitgenossenschaftlichem Gespür und mildem Spott reichte keine(r) heran. Schon gar nicht der Strassenköter der Literaturkritik, Elke Heidenreich. Als die über Michael Kumpf Müllers Rückblendentechnik die Nase rümpfte, weil es "nicht geradlinig hintereinander weg" erzählt sei, kam wieder mal heraus: hinter ihrem sympathisch frechem Selbstbewusstsein Marke "Frisch von der Leber weg" versteckt sich ein antiintellektuelles und antiexperimentelles Ressentiment: Bitte nicht so verschachtelt! Hätte sich die Literatur nach so einer präventiösen Lieschen-Müller-Haltung gerichtet, hätte es keine Moderne gegeben. Ranickis im

FAZ-Interview ausposaunter Kampf gegen einen, von Löffler so nie vertretenen "Inhaltismus" der 68er trägt seine Früchte. Die alte Schachtel haben sie rausgekegelt. Jetzt kommen die Schachtelsätze an die Reihe. So bezeichnet der Gewinn, den die Sendung seit letztem Freitag verzeichnen kann, zugleich ihren Verlust: den Rickfall ins Literarische".)

³³ *Schütz E.* Hampels Parabel oder Die wahrhafte Wiederkehr des Erzählers // Freitag. 2000. № 34; См.: <http://www.freitag.de/2000/34/00341601.htm>.

³⁴ Интервью с В. Кирхмайером // Deutsche Welle. Молодежный журнал. 2000. 13 авг.; См.: http://www.dwelle.de/russian/archiv_2/jm130800.html.

³⁵ *Kumpfmüller M.* Hampels Fluchten. Frankfurt am Main, 2002. S. 304.

³⁶ *Ibid.* S. 323.

³⁷ *Ibid.* S. 325.

³⁸ *Hermann J.* Rote Korallen // Hermann J. Sommerhaus, später. Frankfurt am Main, 2000. S. 12.

³⁹ *Kumpfmüller M.* Op. cit. S. 235.

⁴⁰ *Ibid.* S. 236.

⁴¹ *Ibid.* S. 236.

⁴² *Ibid.* S. 236.

⁴³ *Ibid.* S. 239.

⁴⁴ Название книги не вполне поддается переводу на русский. В оригинале: „Hierzulande Andernorts“.

⁴⁵ *Dückers T.* Op. cit. S. 152.

⁴⁶ Вспомним здесь разве что Э. Триоле, В. Набокова, А. Макина и некоторых других.

⁴⁷ *Власова Е.* Русская водка в немецком климате (см.: URL: http://www.rusbonn.de/kaminer/kaminer_17112002.htm).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Bücher W.* Berlin-Moskau. Reinbek, 2003.

⁵⁰ По этим дорогам когда-то шел и дедушка автора, воевавший в России.

⁵¹ *Bücher W.* Op. cit. S. 73.

⁵² См. URL: http://www.amazon.de/exec/obidos/tg/stores/detail/-/books/3498006312/customer-reviews/qid=1079108526/sr=1-1/ref=sr_1_11_1/ref=cm_cr_dp_2_1/302-8743401-7421618.